

ЗАГУБЛЕННЫЙ ТАЛАНТ

Речь в этой статье пойдет об одном из интеллигентных людей Дагестана, которого советская власть на первых порах поддержала, дала возможность получить диплом кандидата филологических наук, стать в начале 30-х гг. директором Дагестанского научно-исследовательского института национальных культур, а в 1937 г. она же объявила его «врагом народа», оторвала от семьи, разорила все его научные и литературные труды и выслала на север страны, на строительство Беломорского канала, где рецидивисты его зверски убили. Этого человека звали Гаджибек Ахмедханович Гаджибеков. 11 марта 2012г. ему исполнилось бы ПО лет со дня рождения. Он прожил всего 39 лет.

Многие из наших соотечественников, к сожалению, имеют смутное представление или вовсе не знают о таких дагестанцах, как Г.А.Гаджибеков, которые благодаря своим способностям поднялись в первые десятилетия советской власти на гребень общественного и культурного прогресса и искрометным талантом, мощной энергетикой и целеустремленностью, с непоколебимой верой в правоту избранного пути отдавали себя делу культурного обновления республики, развитию просвещения и образования, национальной печати и театра, литературы и науки.

Многие годы имя Гаджибека Гаджибекова боялись произносить вслух, и все, что было связано с его жизнью и творчеством, было предано забвению. Но несмотря на это, я упорно искал материалы о нем: рылся в архивных делах, перелистывал чудом уцелевшие подшивки первой лезгинской республиканской газеты «Шийи дуьнья» («Новый мир»), редактировавшейся три года Гаджибековым, которые были обнаружены в Ленинской библиотеке г. Москвы, с трепетным чувством изучал изданные им первые учебники для школ, беседовал с людьми, знавшими его, сопоставлял и анализировал факты и думал с щемящей болью об исковерканной судьбе видного ученого.

В селении Ахты имеется краеведческий музей, в одном из залов которого демонстрируется галерея из фотопортретов ученых, которая начинается с фото Г.А. Гаджибекова - патриарха дагестанских филологов. Он вошел в историю Дагестана как один из первых литературоведов и критиков, как собиратель и знаток устного народного творчества лезгин, исследователь лезгинской литературы, писатель, создатель лезгинской и табасаранской письменностей на основе латинской графики, первый редактор газеты «Новый мир», крупный организатор науки.

Родился Гаджибек Гаджибеков 11 марта 1902 г. в с. Ахты Самурского округа (ныне Ахтынского района) в семье рабочего. В 1912 г. он поступил в Ахтынское двухклассное училище.

- Твой дядя, - рассказывала в 1972 г. племяннику Гаджибекова Надиру Абасову доктор медицинских наук, профессор офтальмологии Камер Адигезалова-Палчаева, - был большим умницей, учился хорошо, слыл любознательным и скромным, прекрасно танцевал, короче, был разносторонне развитым. Все мы, соседские девчата, были влюблены в него.

В школе он учился до 1917 г., затем три года батрачил у магарамкентского кулака. В апреле 1920 г. поехал в г. Темир-Хан-Шуру (ныне Буйнакск), где его как надежного человека взяли в состав вооруженной охраны «Красного поезда», сформированного по решению Чрезвычайного съезда народов Дагестана (13 ноября 1920 г.) и отправленного с подарками для московских рабочих. В августе 1921 г. Гаджибек Гаджибеков снова в Москве, где стал учиться в только что открытом Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), однако вскоре республика отозвала его для работы в партийных органах. Но в 1923 г. он был рекомендован в Коммунистический университет им. Свердлова - первую партийную школу страны.

Трехлетняя учеба в престижном вузе страны позволила Гаджибекову пополнить свои знания и стать высококлассным специалистом. Здесь он впервые проявил интерес к научным проблемам, занялся вопросами лезгинской литературы, развития национального языка и письменности. В первые годы советской власти Дагобком партии принял постановление «О языке и национализации советского аппарата», согласно которому был взят курс на создание единого тюркского языка для всех дагестанских народов. Гаджибеков видел, что подавляющее большинство населения, в том числе и лезгины, не владели этим языком, поэтому он поставил перед собой важнейшую цель - развенчать легенду о тюрках, поднять роль родных языков и создать письменность для лезгин.

В 1926 г. после окончания университета им. Свердлова Гаджибек Гаджибеков поступает в аспирантуру Московского научно-исследовательского института Востока, где углубленно изучает теоретические вопросы филологии, через призму которых разрабатывает и решает задачи практического функционирования лезгинского языка и литературы. За два года была подготовлена и успешно защищена кандидатская диссертация, и в 1928 г. с дипломом ученого-филолога он возвратился на родину.

Незадолго до этого московский кружок лезгинских студентов, созданный и возглавленный Гаджибеком Гаджибековым, издал впервые в истории на лезгинском языке, используя арабскую графику, сборник «Стихи лезгинских поэтов» (1927). В своем предисловии «Несколько слов о проблемах лезгинской письменности» Г. Гаджибеков писал, что в десятую годовщину Великой Октябрьской революции 200-тысячный лезгинский народ остается без родной письменности. Несмотря на сопротивление некоторых наших земляков, дело создания собственного алфавита будет продвинуто вперед. И первым опытом в этом направлении является издаваемый сборник «Стихи лезгинских поэтов».

Книга открывалась стихотворениями классика лезгинской поэзии Етима Эмина «Билбил» («Соловей»), «Тварун стха» («Тезка»), «Тумахъ яц» («Бесхвостый бык»). Гаджибеков был очарован поэзией Етима Эмина, он одним из первых собирал и записывал замечательные творения поэта. В сборнике также были стихотворения Сулеймана Стальского «Билбил», «Судуяр» («Судьи»), «Фекьяр» («Муллы»), «Гьурьят» («Свобода»), «Ленин кьейила» («На смерть Ленина»), а также стихотворения о соловье С.Гаджиева и Г.Гаджибекова.

Г. Гаджибеков жил бедно, Одевался скромно. - Идет дервиш, - говорили лезгины, увидев издали Гаджибека. С непокрытой головой, одетый в безрукавку, обутый в прохудившиеся туфли, он и вправду походил на дервиша.

По поводу издания первого сборника стихов лезгин литературовед Патимат Абакарова писала: «Стихи, вошедшие в сборник, служили наглядным доказательством того, что лезгинский народ обладает замечательными поэтическими творениями на родном языке».

В августе 1929 г. в Касумкенте по инициативе Гаджибекова была проведена первая конференция лезгинских поэтов, на которой с основным докладом выступил он сам.

Конференция, как отмечала в то время газета «Красный Дагестан», имела большое значение: был сделан первый шаг в выявлении, собирании и объединении творческих сил Южного Дагестана. Недаром Г. Гаджибеков, выступая в той же газете, отмечал: «Первый шаг сделан. Дело за ответственными организациями и, в особенности, за учительством, которое должно поддержать это, безусловно, полезное начинание» (2 сентября 1927г.).

Большая работа кружка московских студентов по изданию сборника лезгинских поэтов, неутомимая деятельность Гаджибека Гаджибекова по собиранию и объединению творческих сил лезгин, неустанная пропаганда лезгинской письменности послужили основой и отправной точкой для развертывания разъяснительной работы среди широких масс через республиканские органы печати. Достаточно того, чтобы привести хотя бы несколько статей, напечатанных Гаджибековым в дагестанской прессе, чтобы убедиться в сказанном. 19 января 1928 г. газета «Красный Дагестан» напечатала статью «Легенда о лезгинах-тюрках», в пяти номерах в конце января 1928 г. - «К вопросу о создании

лезгинской письменности», 27 января - «Народное творчество и письменность» , 14 февраля - «Ответ т. Гаджиеву» и др.

По поводу нигилистических утверждений А.Гаджиева Гаджибеков с гордостью заявлял, что «с первой половины XIX века лезгины имеют развитую индивидуальную поэзию. Нам известны такие имена, как Етим Эмин, Салих Султан, Нури Сейфулла, Гаджи Ахтынский и современные Курбан Хпеджский, Сулейман Стальский и ряд других поэтов... Как известно, лезгины не имеют своей письменности и печати на родном языке, поэтому произведения этих поэтов нигде не печатаются и не становятся достоянием широких народных масс, как у других письменных народов».

20 января 1928 г. Г. Гаджибеков выступает в «Красном Дагестане» со статьей «Для лезгин надо создать свою письменность» и говорит, что «противники создания лезгинской письменности всегда суживают этот вопрос, сводя его лишь только к вопросу о языке, а между тем этот вопрос является одним из главных вопросов культурной революции и связан с такими проблемами, как налаживание школьного образования, ликвидация неграмотности, развитие народного творчества, национальной литературы и театра. Все эти вопросы упираются в необходимость создания письменности».

Многочисленные выступления и статьи Г. Гаджибекова о необходимости создания письменности лезгин сыграли свою положительную роль и завершились успешно. В конце февраля 1928 г. в Махачкале состоялся объединенный пленум ДК и ДКК ВКП(б), рассмотревший вопрос о языке и алфавите и решивший создать Центральный комитет нового дагестанского алфавита, главной задачей которого была разработка алфавитов для дагестанских языков на основе латинской графики. Председателем ЦК был назначен Председатель СНК ДАССР Джелал-Эд-Дин Коркмасов, его заместителем - Гаджибек Гаджибеков, который взялся за составление алфавитов для лезгин и табасаранцев, что было осуществлено в кратчайшие сроки.

В июле 1930 г. Дагобком ВКП(б) вновь возвратился к языковому вопросу, который был снова поставлен на обсуждение пленума. По докладу заведующего культурно-пропагандистским отделом ДК ВКП(б) Ю. Шовкринского была принята резолюция, которая осудила решение 1923 г. о едином государственном тюркском языке, игнорировавшем родные языки. Пленум ориентировал «на широкое приобщение трудящихся масс к социалистическому строительству через родные языки, для чего было решено немедленно перевести школы первой ступени на родные, уже определившиеся языки (аварский, даргинский, лезгинский, кумыкский, лакский, татский, ногайский), взять решительный курс на перевод школ и курсов повышенного типа на родные языки (См: «Красный Дагестан» от 2 августа 1930 г.). Это событие красноречиво подтверждало своевременность и правильность линии, взятой в области языков и письменности дагестанских народов Гаджибеком Гаджибековым. Он, естественно, мог гордиться свершившимся.

Работая над созданием лезгинской письменности, Гаджибеков понимал, что она станет действенным средством культурного и образовательного взлета, если будет понята и принята народом, а чтобы этого достигнуть, необходимы такие меры, такие формы и средства, которые бы не только агитировали и пропагандировали, но и - это самое главное - учили людей грамоте, чтобы они на практике, в жизни применяли ее. И таким средством он считал периодическую печать, в частности газету, охватывающую своим влиянием тысячи и десятки тысяч людей.

При этом Гаджибек Гаджибеков смотрел на роль газеты в жизни отставших в своем развитии народов как на ускоритель могучих социальных, культурных, политических и экономических процессов и поэтому высоко ценил ее значение в духовном обновлении общества. Вот почему в своих выступлениях наряду с обоснованием необходимости создать родную письменность он упорно ратовал за создание национальной газеты, выходящей на родном лезгинском языке. Эти старания не прошли даром: в течение трех лет - с 21 июля 1928 г. по июль 1931 г. - под руководством Гаджибекова выходила в Махачкале первая республиканская лезгинская газета «Шийи дуьнья» («Новый мир»),

вокруг которого сгруппировались видные силы лезгинской интеллигенции: поэт Алибек Фатахов (ответсекретарь), Зияудин Эфендиев (зам. редактора), Абдул-Кадыр Алкадарский, Гаджи Аликберов, Назир Ахмедов, Исмаил Вагабов, Мемей Эфендиев, Рамазан Юсуфов, Магомед Гаджиев, Абдул Муталибов и многие другие.

С первого номера газета широко стала освещать вопросы распространения среди широких масс латинизированной лезгинской письменности. Она была не только органом Дагобкома партии, но и ЦК НДА (нового дагестанского алфавита), то есть перед ней была поставлена задача - освещать все проблемы, связанные с пропагандой и внедрением нового алфавита в жизнь. Передовая статья первого номера «Тарихдин югъ» («Исторический день»), написанная Гаджибековым, сообщала:

«Основываясь на созданной лезгинской письменности, сегодня мы начинаем издавать национальную газету. Не имея опыта, издавать газету не такое уж легкое дело. Но мы знаем: вначале будет трудно, но за этими трудностями наступят радости. Мы в этом уверены. Чтобы издавать газету на должном уровне, всем надо сосредоточиться и хорошо потрудиться».

Мысли редактора были подкреплены в статье А.К. Алкадарского «Новая письменность - новые задачи»: «Теперь, после создания письменности можно сказать, что и мы, лезгины, как и другие народы, приобщились к культуре, и на этом пути мы добьемся новых успехов, быстро освоим грамоту, станем образованными и счастливыми». В решении этой большой проблемы значительную роль сыграло немало напечатанных в газете материалов обучающего характера. В них публиковался, прежде всего, по частям сам алфавит, затем уроки по его изучению и в конце незамысловатые тексты, которые были под силу малограмотному читателю. Благодаря «Новому миру» тысячи лезгин ликвидировали свою неграмотность.

За короткое время газета «Новый мир» стала одной из лучших газет Дагестана. Она откликалась на все проблемы, которые волновали людей того времени, писала о создании кооперативов и колхозов, культсанштурме, дорожном строительстве, ликвидации неграмотности, строительстве школ и клубов, звала читателей активнее включаться в революционное обновление жизни, строительство нового социалистического общества. Но в середине 1931 г. «Шийи дуьнья» решением обкома партии была переведена в разряд районных газет и перебазирована в с. Ахты. С этого времени до 1943 г. лезгины, как и даргинцы, были лишены своей республиканской прессы на родном языке.

Гаджибек Гаджибеков достойно показал себя и в издании журналов. Он был основателем и ответственным редактором двух республиканских журналов: в 1931 г. общественно-политического «Коммунист муариф» («Коммунистическое просвещение»), где были напечатаны его статьи «Главные задачи журнала», «Превратим Дагестан в страну всеобщей грамотности» и др.

В журнале «Яру гъед» («Красная звезда») в 1931 г. он опубликовал статьи «К вопросу о создании табасаранской письменности», в порядке обсуждения: «Проблемы лезгинской литературы», «О создании терминологий дагестанских языков», «Пути решения вопросов орфографии в лезгинском языке» и др. В июле 1932 г. журнал «Яру гъед» стал органом оргбюро Союза писателей Дагестана. В нем с большой статьей «Очередные задачи лезгинской литературы» выступил Гаджибек Гаджибеков, отметивший, что со времени создания лезгинской письменности (1928 г.) открылись широкие возможности для развития литературы, а пишущих лезгин стало 30-40 человек. Особенно большие успехи делали поэты Мемей Эфендиев и Алибек Фатахов. Гаджибеков возлагал на журнал большие надежды, однако указанные номера обоих журналов по неизвестным причинам оказались последними.

После перевода «Шийи дуьнья» в разряд районных Гаджибек Гаджибеков как дипломированный ученый-филолог по решению обкома партии был переведен в Дагестанский научно-исследовательский институт национальных культур сначала заместителем директора (1931), потом совмещал эту работу с заведованием сектором языков и в 1936 г. стал директором института.

Дагестанский научно-исследовательский институт национальных культур, который явился основой для создания академических учреждений в республике, сыграл также важную роль в жизни Гаджибека Гаджибекова. Здесь он вырос в крупного ученого и руководителя, в стенах института он собрал видных ученых, специалистов в различных областях культуры, здесь шла целенаправленная последовательная работа по исследованию важнейших проблем истории, языка, литературы, культуры народов Дагестана.

Что же касается самого Гаджибекова, то он за короткое время пребывания в институте неустанно работал в ряде направлений науки: составил программу по изучению родных языков для курсов учителей, издал учебники и хрестоматии для школ, выступал с научными докладами «Проблема литературного языка», «О терминологическом строительстве в Дагестане» и др. Будучи председателем терминологической комиссии, написал на лезгинском языке работы «Терминология по делопроизводству» (1931), «Терминология по физике», «Общественно-политическая терминология» (1932) и др. Помогал другим ученым в разработке аналогичных проблем.

Много внимания ученый уделил исследованию лезгинской орфографии, определению правил письма и норм литературного языка, в результате чего был подготовлен справочник «Вопросы литературного языка и орфографии», сыгравший огромную роль в развитии литературных языков и издательского дела в Дагестане. Им изданы: «Грамматика (Морфология)» - учебник по родному языку для 5 класса, «Родной язык» - учебник по лезгинскому языку, статьи о Е. Эмине и С. Стальском - «Сулейман Стальский», «Поэт и массы», «Народный поэт Дагестана», «О работе с начинающими писателями», книга «Литературная хрестоматия», ч. I и II для начальной школы и т.д.

Им были написаны и изданы в Махачкале две пьесы: «Вкопяхадата» (1928) и «Колхоз» (1931).

Он высоко оценил творчество поэта Етима Эмина, издал два его сборника избранных произведений, считая, что «по силе таланта и мастерству он занимает в лезгинской литературе первое место».

Особую страницу в жизни Гаджибекова составляют отношения с великим поэтом Сулейманом Стальским. Как отмечают многие литературоведы, именно ему принадлежит честь открытия для Дагестана и страны этого мастера художественного слова. Как вспоминал прозаик и ученый Назир Ахмедов в статье «Ашуг в чарыках» (журнал «Советский Дагестан», №1, 1969, с. 48), Гаджибеков высоко ценил талант Сулеймана, дружил с ним, оказывал большую помощь поэту в его творческой работе, а Сулейман уважал ученого и считался с его мнением.

Итогом исследования и составления первого сборника стихотворений Сулеймана Стальского явился вышедший в 1934 г. в Махачкале сборник «Избранные стихотворения» Сулеймана Стальского, где автором большого предисловия и библиографических данных, записанных со слов поэта, выступал Г. Гаджибеков. Эта книга была первым сборником стихотворений поэта на лезгинском языке и она легла в основу всех последующих изданий Стальского, в том числе и на русском языке.

Дружба Г. Гаджибекова и Сулеймана Стальского, начавшаяся в 1925 г., продолжалась вплоть до ареста ученого в 1937 г., что было очень болезненно воспринято поэтом. Он думал, что своим авторитетом, весом в обществе, достигнутым не без помощи Гаджибекова, сможет помочь воздействовать на судьбу своего друга. Стальский сделал немало попыток вызволить его из застенков, ходил к руководству республики, чтобы убедить в том, что это кристально чистый и честный человек, однако из этого ничего не вышло. В конце концов он разочарованно сказал жене Гаджибекова: «Никто не хочет подставить плечо, все спасают свои шкуры», - и молча, взяв свою трость, угрюмо удалился. Через полтора месяца - 23 ноября 1937 г. - Сулейман Стальский скончался, и вся страна оплакивала его смерть как большую потерю советской литературы. В том, что он из малоизвестного поэта превратился в великого поэта XX в., которого знали не только в СССР, но и во всем мире, значительной была заслуга Гаджибека Гаджибекова.

В своей книге «Этюды о литературах Дагестана» известный дагестанский литературовед и критик Камиль Султанов дал емкий словесный портрет Гаджибекова, который сложился в его сознании от встреч с ученым: «Гаджибек Гаджибеков был общительным и сердечным человеком. Прямота и откровенность представляются мне наиболее характерными чертами его личности. О людях и делах он судил без обиняков, свои симпатии и неприязнь выражал откровенно. У него немало было противников, но он имел еще больше друзей, которые верили ему, уважали и любили его как честного, принципиального, неподкупного человека... Он всегда защищал горячо то, что любил, во что верил, чему служил беззаветно».

И этот человек с такой замечательной характеристикой совершенно неожиданно попал в жернова репрессий 1937 г. А началось всё следующим образом. В июне 1937 г. в Москве был арестован бывший председатель Совнаркома ДАССР Джалал-Эд-Дин Коркмасов, занимавший в то время высокий пост в Верховном Совете СССР. У «палачей» того времени была привычка давать прежде всего арестованным чистый лист бумаги с просьбой написать фамилии и имена всех людей, с кем дружил или с кем был знаком. И после получения заполненного листа они всех названных включали в состав антисоветской националистической организации, стремящейся оторвать тот или иной край от Советского Союза и войти в состав иностранного государства. Что же касается дагестанцев, то они якобы стремились уйти под протекторат Турции. Хотя всё это было придумано, но во время следствия заключенного постоянно избивали и истязали, не давали спать, держали долго под холодным душем и т.д., пока он не признается «в своих грехах».

Коркмасов, как интеллигентный человек, очевидно, не выдержал истязаний и «признался», что он создал и руководил буржуазно-националистической организацией, куда вошли все названные им лица.

В его списке Гаджибеков назван был чуть ли не последним. Но это не облегчило его участь; его так же, как и многих, арестовали и обвинили о вхождении в буржуазно-националистическую организацию, возглавляемую Д. Коркмасовым.

Лет десять назад, работая в Центральном Государственном архиве Дагестана, я поинтересовался делом Гаджибека Ахмедхановича Гаджибекова. Мне дали объемистую папку, на обложке которой было выведено: «Уголовное дело № 5948 по обвинению Гаджибека Гаджибекова по статьям 58-8 и 58-11 УК РСФСР, начатое 17 сентября 1937 года Управлением Государственной безопасности НКВД ДАССР». Оно было засекречено и пролежало в архиве КГБ более 60 лет, ныне находится в ЦГА РД. Наверное, мне, как историку, выпала редкая возможность одному из первых ознакомиться с ним.

Я внимательно прочитал дело от корки до корки, вникая в суть документов, бесконечных допросов, очных ставок, которые не проясняли, а еще более запутывали дело. Перевернув последнюю страницу, я невольно задумался: за что такая немилость судьбы? Было обидно за человека, так много сделавшего для своего народа и своей республики и так бездушно оклеветанного за те же благородные дела. Всё светлое в его жизни было оболгано, перевернуто, исковеркано, облито грязью, он был объявлен «врагом народа» и в конце концов приговорен к 8 годам исправительно-трудовых лагерей. Какая несправедливость! А ведь ему во время ареста исполнилось 35 лет. Всего 15 лет понадобилось, чтобы совершить то, о чем написано выше. А сколько он мог бы еще сделать полезного?!

На первой странице уголовного дела имеется «Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения», принятое НКВД ДАССР 17 сентября 1937 г.

«Гаджибеков Гаджибек, - сказано в нем, - работающий в системе научно-исследовательского института, изобличается в том, что состоял членом контрреволюционной троцкистско-националистической организации, действовавшей в Дагестане». На этом основании начальник 3 отдела НКВД ДАССР, старший лейтенант Деношайтес постановил: «Привлечь Гаджибекова в качестве обвиняемого по статьям 58-8 и 58-11 Уголовного кодекса, мерой пресечения способов уклонения от следствия суда избрать содержание под стражей при ДПЗ НКВД ДАССР».

17 сентября 1937 г. - черный день в биографии Гаджибека Гаджибекова. Позавчера, 15 сентября, он — директор единственного в Дагестане научно-исследовательского института, весьма уважаемый человек, 16 сентября арестован, а 17 сентября он - просто «работающий в системе научно-исследовательского института» и обвиняемый в том, что «состоял членом контрреволюционной троцкистско-националистической организации». Мало того, у жены Зулейхи Султановой отобрали государственную квартиру по ул. Нахибашева (ныне Абдулхалимова) д. 5, кв. 2 и поселили в квартире какой-то репрессированной семьи. Её исключили из института и комсомола как жену «врага народа», после чего она вынуждена была выехать в Баку, где продолжила учебу в Азербайджанском университете. Книги и рукописи Гаджибекова правоохранительные органы конфисковали.

21 сентября 1937 г., т.е. после заключения Гаджибекова в тюрьму, московская газета «Известия» опубликовала беспардонную статью И. Шустера «Буржуазные националисты орудуют в Дагестане», напиканную ложью и издевательствами. «В течение долгого времени, - писалось в ней, - под боком у Дагестанского обкома партии орудовали и сейчас продолжают орудовать буржуазные националисты. Центром своей «работы» они избрали т.н. научно-исследовательский институт национальных культур Дагестана. При прямом содействии и участии директора института, дважды исключавшегося из партии (!) Гаджибекова, здесь в свое время свили себе гнездо троцкистско-националистические бандиты Чаринов, Гитинаев, Шамхалов и другие».

Вопреки очевидным фактам автор этой статьи утверждал, что работники института «изгоняли из национальных школ русский язык», «искажали (?) историю Дагестана и всячески тормозили (?) рост советской литературы». Ни одного конкретного факта. Но зато в адрес Гаджибекова полился поток лжи и грязи: богатейшие материалы по фольклору и истории Кавказской войны «отданы врагам народа и разбазарены», «в течение полутора лет преподавал лезгинскую литературу по конспектам и под руководством (троцкиста) Лелевича», «Гаджибековым сорвано (?) издание монографии о Сулеймане Стальском, он развалил Институт национальных культур» и т.д. и т.п.

Первые три месяца пребывания Гаджибекова в тюрьме не нашли своего отражения в уголовном деле. В нем нет никаких документов. Мы должны задать вопрос: что происходило в течение 100 дней в тюрьме? Ныне мы знаем, что творилось за тюремными решетками в 1937-38 гг. и какие зверские приемы применялись там. Не избежал их и Гаджибеков. Правда, в отличие от многих он оказался крепким орешком, долго сопротивлялся и категорически отрицал свое участие в буржуазно-националистической организации. Но тюремщики не унимались. Вот почему с 1937 по 1940 г. его держали в Махачкале. Они требовали только одного - признания, и когда этого не добивались, они предъявляли Гаджибекову газетные пасквили и «признания» Д. Коркмасова и жестоко избивали. Но он лавировал. Если вначале он, как и другие арестанты, признавал предъявленные обвинения, то с 20 июля 1938 г. он от них отказался. Посудите сами об учиненном допросе:

«Вопрос: Работая в Институте национальных культур, Вы проводили вредительскую работу в области языка и литературы. Давайте показания по этому вопросу.

Ответ: Вредительской линии я в институте не проводил, а работал, выполняя возложенные на меня обязанности честно (!).

Вопрос: В бытность Вашу директором института Вами и другими националистическими элементами из числа сотрудников искажалась письменность и терминология национальных языков. Вы это подтверждаете?

Ответ: За период моей администраторской работы никаких вредительских актов как с моей стороны, так и со стороны отдельных работников не было. Иногда нами допускались ошибки, которые нами же на ходу исправлялись».

В уголовном деле содержится рукопись Гаджибека Гаджибекова на 14 страницах, озаглавленная «Замечания обвиняемого Гаджибекова на заключение экспертной комиссии по вопросам работ по языку, терминологии и литературе». На мой взгляд, этот

документ, выдающийся по форме изложения, компетентности и лаконичности содержания, является исповедью ученого перед своей совестью и перед своим народом (он приведен в моей книге «Гаджибек Гаджибеков - человек, ученый, писатель» (Махачкала, 2002, с. 94-116).

Подытоживая свои возражения экспертной комиссии, Гаджибеков гордо заявил:

- Никакого вредительства вообще, в частности на языковом фронте, я не совершал. Я работал в труднейших условиях неразработанности дагестанских языков, отсутствия подготовленных кадров, полной неразработанности проблем языкового строительства (орфографии, терминологии, словари и т.д.) в языковедческой науке, отсутствия опыта по этой части».

Мужественный ответ Гаджибекова на заключение экспертной комиссии, в которой были поставлены все точки над *i*, судя по всему, вызвал переполох в следственных кругах. 25 ноября 1939 г., т.е. более двух лет спустя, дело было прокурором возвращено на доследование и передано новому следователю, выгороместьодин настораживающий пункт:

«Необходимо выполнять (!) указание военного прокурора СКВО. Установить (!) конкретную антисоветскую деятельность Гаджибекова в области терминологии, орфографии и литературы, а также установить (!) его фактическую (?) причастность к антисоветскому подполью в Дагестане».

Только прокурор не указал, как можно это сделать. Следователь В. Назаренко все же нашел пути обвинения арестанта в участии в буржуазно-националистической организации, которая якобы давала ему поручения в проведении антисоветской подрывной деятельности.

И хотя многие допрошенные (арестованный Ю. Шовкринский, директор института ИИЯЛ Расул Магомедов и др.) положительно оценили деятельность Гаджибекова, все же, несмотря на это, 25 апреля 1940 г. В. Назаренко состряпал обвинительное заключение, в котором, несмотря на неопровержимые доказательства, Гаджибеков был классифицирован как «участник антисоветской буржуазно-националистической организации», который якобы «в период 1921-1928 гг., находясь на учебе в Москве, организовал среди студентов нелегальный кружок», т.е. обвинялся «в преступлениях, предусмотренных в статьях 58-2 и 58-11 УК РСФСР». Речь в нем шла о письмах Гаджибекова к тогдашнему первому секретарю Дагестанского обкома ВКП (б) Н. Самурскому (которого репрессировали и расстреляли). Следователи заметили в них вожделенное слово «нелегальное», неудачно употребленное автором в значении «пока не обнародованное».

11 июня 1940 г. в Москве состоялось заседание Особого совещания при Народном комиссариате внутренних дел СССР, которое, заслушав дело № 59[^]-8, постановило: «Гаджибека Гаджибекова за участие в антисоветской националистической организации заключить в исправительно-трудовой лагерь, сроком на 8 лет, считая с 16 сентября 1937 года».

До 24 июля 1940 г. Г. Гаджибекова держали в махачкалинской тюрьме, затем его вместе с другими дагестанцами этапировали в лагерь для заключенных: сначала в посёлок Кожва у станции Печора, затем пешком погнали к месту назначения. Абдулла Вагабов - ахтынец, находившийся среди заключенных, вспоминал позже:

- Гаджибек, ослабленный тяжелой язвенной болезнью желудка, погиб под ударами железных прутьев в драке с уголовниками, которых он ненавидел всем своим существом. Похоронен на станции Печора. Это случилось 5 января 1941 г.

В 1959 г. племянник Гаджибекова - десятикратный чемпион Азербайджана по боксу, инструктор КГБ АзСССР ездил в Печору, чтобы узнать что-нибудь о своем дяде, поклониться его могиле. Он встретился с начальником лагеря и попросил его показать могилу Гаджибека Ахмедхановича

- Ты что его могилу ищешь? Её нет, - сказал начальник лагеря, - в те годы с врагами народа не миндальничали. Все они были на одно лицо, и поэтому покойников бросали по 7-8 человек ежедневно с бортов грузовых машин в заранее подготовленные ямы, сверху закрывали досками и забрасывали землю. Такую участь судьба уготовила и твоему дяде, Гаджибеку Гаджибекову.

Так печально закончилась жизнь ученого, журналиста, писателя, человека Гаджибека Ахмедхановича Гаджибекова. Мы, современные люди, познавшие глубину тех страшных, порою невысказанных с точки зрения элементарной логики тяжких преступлений в отношении своих же людей, воспитанных на идеях, казалось бы, самых гуманных и попавших в жернова кровавой мельницы, только удивляемся. Как могло такое случиться, что самые умные, самые образованные и культурные люди, которых взрастила советская власть, она же превратила в «предателей» и «врагов народа» и без тени сомнения беспощадно уничтожила их?!

18 мая 1959 г. военный трибунал Северо-Кавказского военного округа принял решение: «Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 11 апреля 1940 года в отношении Гаджибекова Гаджибека отменить и за отсутствием состава преступления дело о нем на основании п. 5, ст. 4 УПК прекратить», что означало полную реабилитацию.